

С. Л. Луговцова

ХАРАКТЕРИСТИКА ШЛЯХТЫ МОГИЛЕВСКОГО УЕЗДА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Анализируется состав шляхты Могилевского уезда Могилевской губернии Российской империи на основании уездных списков за 1815 и 1816 гг. Списки содержат информацию о возрасте шляхтичей, составе их семей, месте проживания, дате утверждения в дворянском достоинстве в губернском собрании. Автор определяет виды деятельности, которыми занимались представители высшего сословия Беларуси, степень их участия в работе государственного аппарата. Опираясь на классификацию семейных форм, предложенную П. Леслеттом и Ю. Хэммелом, автор выясняет их распределение в шляхетской среде.

The article analyzes the structure of szlachta in Mogilev District (Mogilev Province) of the Russian Empire based on data from 1815 and 1816. The lists contain information about the age of gentry, the composition of their families, place of residence, date of approval of the noble rank in the provincial assembly. The author defines the types of activities undertaken by szlachta's representatives in Belarus and the extent of their participation in the state machine's work. Based on the classification of family households proposed by P. Laslett Hammel and E. Hammel, the author finds out distribution of family forms among the Mogilev szlachta.

Ключевые слова: шляхта; структура; Могилевский уезд; Российская империя; семейные хозяйства.

Keywords: szlachta; structure; Mogilev District; Russian Empire; households.

В список дворянских и шляхетских фамилий Могилевского уезда за 1815 г. включены 139 дворян [5, л. 35—54] и 234 шляхтича [5, л. 1—34], не считая членов их семей. При внимательном рассмотрении списка становится понятно, что деление на «дворян» и «шляхту» весьма условное, не привязанное к неким четким критериям. В рассматриваемый период представители российской власти на территории белорусских губерний относили к «дворянам» членов сословия, доказавших свои права в соответствующих имперских учреждениях. Кроме того, считалось, что званию дворянина в полной мере соответствуют лишь те представители сословия, которые служат в военном или гражданском ведомствах, имеют достаточное количество земли и крепостных крестьян, чтобы вести образ жизни, приличный благородному происхождению. Что касается доказательств своих прав, то список 1815 г. включает прежде всего дворян, утвержденных Могилевским дворянским депутатским собранием. Процент лиц, утвержденных герольдией Сената, ничтожно мал и составляет менее 1 %, хотя законодательство Российской империи требовало такого утверждения.

Согласно Жалованной грамоте 1785 г. потомственное дворянство Российской империи делилось на шесть разрядов: 1) жалованное; 2) военное; 3) полученное за выслугу чина на гражданской службе или в результате награждения российским орденом; 4) иностранные роды; 5) титулованное; 6) древние благородные роды. Разница между первым и шестым разрядами фактически заключалась в «давности» пребывания в дворянском сословии. К шестому разряду относились лица, получившие дворянство до введения Бархатной книги (1685). На территории белорусских губерний преобладало дворянство, вписанное в первую и шестую части родословной книги [2, с. 30]. Данные по Могилевскому уезду соответствуют общей картине. Наибольшее количество дворян в уезде было вписано в шестую часть, несколько менее — в первую часть книги. К 1816 г. численность лиц, получивших права дворянского сословия на гражданской или военной службе (второй и третий разряды), было крайне низким.

Луговцова Светлана Леонидовна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: sv.lougovtsova@gmail.com

В список 1815 г. также вошли лица, дела которых еще не были рассмотрены губернским дворянским собранием, однако они приобрели российские чины на гражданской службе. В частности, в список включили столоначальника 2-го департамента моголевского главного суда Д. Бонч-Богдановского [5, л. 35 об.], переводчика Моголевского губернского правления титулярного советника С. Добровольского [5, л. 38 об.]. Определенно можно сказать, что к понятию «дворяне» были отнесены лица, занимавшие выборные и административные должности в системе местного управления. Вместе с тем в списке встречаются и такие лица, как Сымон Буйвин. Последний нигде и никогда не служил, а в собственности имел лишь двух крестьян мужского пола. Можно предположить, что при составлении списка сыграли роль не только объективные факторы, но и личные взаимоотношения внутри сословия [5, л. 35 об.].

Сведения о шляхте из списка 1815 г. по ряду параметров дополнены данными за 1816 г. 20 января 1816 г. издан указ Сената Российской империи, знаменовавший очередной виток правительственной политики по «разбору шляхты» [6, л. 119]. В соответствии с указом требовалось составить в белорусских губерниях четыре ведомости о шляхте, которая: 1) была утверждена в дворянском достоинстве губернскими депутатскими собраниями и проживала на собственной земле; 2) проживала на собственной земле, но не доказала свое происхождение; 3) была утверждена в дворянском достоинстве, но проживала на арендованной земле или по заставному праву; 4) не доказала свое происхождение и не имела собственной земли.

Ведомости должны были быть представлены до 1 марта 1816 г. в комиссии, осуществлявшие проведение ревизии 1815 г. В назначенный срок ведомости составлены не были. Губернские власти наказали виновных. Своим решением от 26 апреля 1816 г. губернское правление вычло из жалования в пользу Приказа общественного призрения у членов земских судов (они должны были исполнять решение Сената) по 50 р., у уездных стряпчих (должны были контролировать исполнение решения земскими судами) по 20 р. [6, л. 119 об.]. Столь значительные штрафы поспособствовали реализации январского указа. Необходимые ведомости были составлены. Последние представляют собой ценный материал для исследователя дворянства, так как включают сведения не только о материальном обеспечении и прохождении службы шляхтичами, но и об их возрасте, составе семей, месте проживания, дате утверждения в дворянском достоинстве в губернском собрании или причинах отказа в этом.

В Моголевском уезде в 1816 г. в ведомость по первому пункту включены 384 человек обоего пола, включая членов семей [6, л. 73—87 об.], по второму пункту — 187 [6, л. 1—9], по третьему — 78 человек [6, л. 33—37 об.]. По четвертому пункту была составлена ведомость о шляхте «на услугах». В список вошли 23 мужчины и семь членов их семей, всего 30 человек. В ведомости названы виды деятельности, которыми занималась служебная шляхта. Прежде всего это «экономы» (управляющие), писари, ловчие, но встречается и органист доминиканского монастыря и гувернер [6, л. 52, 53].

Все шляхтичи, включенные в списки по первому — четвертому пунктам, не были утверждены герольдией Сената (хотя в анкете был выделен пункт для указания даты утверждения). Среди причин, которые не позволяли белорусской шляхте представить документы на утверждение в герольдию, были и объективные: утрата документов в годы наполеоновского нашествия, из-за пожаров, грабежей, неожиданной смерти родственников. С другой стороны, подход Моголевского губернского дворянского депутатского собрания к утверждению во дворянстве членов местного шляхетского общества был весьма мягким. Не утвержденными в дворянском достоинстве в Моголевском уезде остались те, кто не представил никаких документов либо представил столь сомнительные свидетельства своего высокородного происхождения, что их невозможно было принять к рассмотрению. Ряд случаев носил просто анекдотический характер. Так, сторож Моголевского губернского правления Степан Татарский предъявил справку из правления, что был принят на работу как человек благородного происхождения [6, л. 17 об.]. Но умалчивалось, кому именно и как он свое благородство

доказал. Уроженец Житомирского уезда Волынской губернии Войцех Грабовский представил бумажку (иначе не скажешь), выданную ему в 1804 г. помещиком Тадеушем Бжезинским. На листке было кратко указано, что Бжезинский взял от матери «без всякого письменного вида» 14-летнего сына шляхтича Грабовского «для дзялов музыкальных на инструментах музыкальных» [6, л. 33].

Шляхтичи Могилевского уезда, перечисленные в пунктах 1—3, занимались сельским трудом. Кроме деревень и фольварков они жили в шляхетских околицах и застенках: Адамов, Богданов, Борки, Боршов, Варгутьево, Веселов, Грибин, Громаки, Губарев, Дубенец, Дубровка, Заболотье, Закутье, Катовня, Коврижин, Константинов, Кострица, Куликовка, Курень, Кухинов, Осиновка, Погребше, Прутки, Соколовщина, Соловьиная ляда, Трухоновичи, Хаделичи, Филатово, Печоры [5, л. 1—54; 6, л. 1—87]. Населенные пункты Дубровка, Городище, Кострица и Осиновка принадлежали наследникам фаворита Екатерины II графа П. В. Завадовского, получившего в 1776 г. в подарок от императрицы огромные владения в бывшей королевской Могилевской экономии с 4 тыс. крестьян мужского пола.

Околицей или застенком назывались шляхетские поселения, чтобы отличать их от собственно крестьянских деревень и сел. Обитатели застенка часто происходили из одного рода и носили ту же фамилию. Околица была населена шляхтичами разных родов. Застенки были наиболее малонаселенными шляхетскими поселениями. Так, в застенке Громак проживало 6 семей шляхтичей Громаковских [6, л. 76 об. — 77]. Околицы были разной величины. Обычно они насчитывали до 15 домов шляхты. Но встречались и более крупные поселения [2, л. 35, 36]. В околице Дубровка Могилевского уезда в 1816 г. проживало 18 семей Дроздовских, Загорских, Недзведских, Непокойчицких, Ракицких, Миончковских, Сапрыко и Кулак [6, л. 38—41]. Среди шляхтичей, проживавших в околицах и застенках Могилевского уезда, встречаются долгожители: столетний Степан Кострица из околицы Кострица [5, л. 11 об.] и 93-летний Федор Панфилович из застенка Борки [5, л. 19 об.].

В ответ на сенатский указ от 20 января 1816 г. [6, л. 119] четыре ведомости о шляхте были составлены также по г. Могилеву. В ведомость по первому пункту вписали 40 человек, включая членов семей [6, л. 15, 16]. По второму пункту — 35 человек [6, л. 17, 17 об.], по третьему — 116 человек [14, л. 21—24], и, наконец, по четвертому пункту — 49 человек [6, л. 25—27]. Все шляхтичи, включенные в ведомости по г. Могилеву, не были утверждены герольдией Сената.

Что касается шляхтичей, отнесенных Могилевской городской полицией ко второму пункту, то все они не доказали свое происхождение, так как губернское дворянское собрание не успело рассмотреть их дела. Интересно, что из 29 семей (116 человек), утвержденных дворянским собранием, но проживавших в городе на арендуемой земле или в наемной квартире (третий пункт), как минимум члены 12 семей не были уроженцами Могилева. Из Рогачевского уезда прибыли Викентий Перович, Мартин Залесский, Иван Грушецкий, из Чаусовского переехал Иосиф Пётух, встречаются выходцы из Копысского, Виленского, Быховского, Мстиславского и наиболее часто Могилевского уездов [6, л. 21—27]. В целом анализ рассматриваемых ведомостей приводит к выводу о довольно высокой мобильности представителей шляхетского сословия. Типичным является случай Ивана Бурачевского. Он рассказал, что отец его родом из Виленской губернии, откуда переехал после женитьбы в Могилевскую, жил с семьей у разных владельцев, дольше всего в деревне Нежков, где и умер. Мать Бурачевского вдовствовала в Быховском уезде. После смерти родителей Иван «находился у разных владельцев в услужении». В 1800 г. он женился и стал жить в собственном доме в г. Могилеве, «имея пропитание от заработков». Бурачевский утверждал, что «в оклад» его родители никогда записаны не были, предположил, что документы о его происхождении могут находиться в Виленском дворянском собрании, но больших подробностей сообщить не смог [6, л. 25 об.]. Приведем еще один характерный пример подобного рода. Франтишек Гурский пояснил, что его отец Казимир Гурский жил в Оршанском уезде на земле Романови-

чей, затем стал арендатором в Рогачевском уезде, откуда 15 лет назад переселился на жительство в г. Могилев, где подал в губернское дворянское собрание документы о своем происхождении. В доказательство своих слов Франтишек смог представить только аттестат, выданный его брату Дементею в 1803 г. (умер в Чаусовском уезде в 1813 г.) в том, что документы Гурских действительно находятся в Могилевском дворянском собрании [6, л. 25].

В последнем, четвертом, пункте рассматриваемой ведомости (не доказали происхождение и не имели собственной земли) преобладают шляхтичи, жившие за счет разных «заработков». Что понимается под «заработками» — не всегда указано в документе. Это и работа объездчиками в питейной конторе, и доход от частных уроков, служба почтальоном, сторожем и звонарем в кармелитском костеле. Так, место звонаря занимал Петр Панкевич-Коллонтай Слепой (именно так указано в документе). Возможно, он провел всю жизнь при костеле кармелитов (Св. Станислава) и не смог (или не пожелал) ничего рассказать о своих родителях (документов в Могилевское дворянское собрание никогда не подавал) [6, л. 26 об.].

Для характеристики высшего сословия Могилевского уезда нами были привлечены также формулярные списки о службе 109 чиновников (240 человек, включая членов семей), избранных на разные должности в Могилевской губернии в 1832 г. [4, л. 143—189]. Списки позволяют уточнить данные о составе семей дворян Могилевского уезда. Они интересны также тем, что в графе «происхождение» часто встречается запись: «из белорусских дворян». Отметим, что в соответствующей графе у дворян белорусских губерний обычно встречается «из литовских дворян», «из польских». Данный факт позволяет утверждать, что в российском делопроизводстве первой половины XIX в. за Могилевской губернией и ее жителями постепенно закрепляется название белорусской.

В тех случаях, когда в графе «происхождение» лишь кратко указано «из дворян», мы можем уточнить происхождение чиновников по содержанию их формулярных списков. На наш взгляд, если дворянин начинал службу на выборных должностях или его путь на административной службе лежал через должности копииста, помощника канцеляриста и т. п., можно утверждать, что он местного происхождения. Трудно представить, чтобы для занятия столь мелких и слабо материально обеспеченных должностей человек отправился в чужой край и остался в нем на длительный срок. Проанализировав список чиновников Могилевской губернии, мы можем с уверенностью утверждать, что абсолютное большинство его представителей — местные уроженцы. Происхождение буквально нескольких человек можно поставить под сомнение. К ним относятся лица, начавшие свой путь по карьерной лестнице на военной службе и не имевшие наследственного родового имени в губернии.

Среди дворян и шляхты Могилевского уезда численность владельцев более 100 крепостных крестьян мужского пола составляла около 8 %. Крупнейшими землевладельцами Могилевского уезда (и губернии в целом) были: последний кухмистр ВКЛ князь Франтишек Ксаверий Огинский (владел 2493 крестьянами мужского пола) [5, л. 47]; официальный воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, генерал-фельдмаршал Николай Иванович Салтыков (4239 крепостных крестьян) [5, л. 50]; генерал-адъютант и фаворит императрицы Екатерины II Иван Николаевич Римский-Корсаков (1333 крепостных) [5, л. 43 об.]. Фактически двое последних являлись единственными представителями российского дворянства среди местной шляхты. Добавим, что Н. И. Салтыков в Могилевском уезде не жил и никакого участия в жизни местного общества не принимал. Русский биографический словарь дает скудную информацию о И. Н. Римском-Корсакове. После смерти в 1815 г. графини Е. П. Строгановой, с которой были прожиты долгие годы, Римский-Корсаков переехал в свое имение в Могилевской губернии, которое в свое время подарила ему императрица (6 тыс. душ крестьян). В имении был «постоянно немалый съезд родных и знакомых, проживавших по целым месяцам». Это гостеприимство, беспорядок в ведении хозяйства и денежных счетов стали причиной того, что довольно скоро дела Римского-Корсакова расстроились [3].

Среди тех, кто имел высшее образование, в Могилевском уезде в 1816 г. назван лишь «студент Московского университета» (возможно, оставил университет, не закончив его) Николай Королька, 24 лет, депутат от уезда в Могилевском дворянском депутатском собрании, владелец 298 душ крепостных крестьян [5, л. 42 об.]. Среди дворян Могилевской губернии, избранных на разные должности в местном управлении, в 1832 г. высшее образование было у заседателя Сеннинского суда Ф. Слежановского и быховского уездного судьи А. Порембского. Оба закончили Виленский университет (соответственно в 1816 и 1825 гг.) [4, л. 143—189].

На основании списков шляхты и дворян Могилевского уезда за 1815 и 1816 гг. можно проанализировать род деятельности представителей высшего сословия: 62 % занимались сельским хозяйством (в самой широкой трактовке этого понятия, от крупных землевладельцев до шляхтичей, чей образ жизни было мало отличим от крестьянского); 12 % занимали выборные должности в уезде и губернии. Учитывая, что на эти должности избирали раз в три года из состава местной земледельческой шляхты, можно сказать, что 74 % шляхты кормилось «от земли», участвуя в системе местного управления и суда, активно взаимодействуя и перемещаясь в рамках своего прежнего «внутреннего» мира, сформировавшегося еще в рамках государственности Речи Посполитой. На административной службе находились 7 % шляхтичей, большинство из них занимали мелкие канцелярские должности в Могилевской губернии, однако некоторым удавалось дослужиться до весьма высоких чинов. Продвижение по карьерной лестнице давало возможности для значительно более широкой мобильности. Сын надворного советника (чин VII класса по Табели о рангах, равный подполковнику) Александра Яншина служил переводчиком в Санкт-Петербурге [5, л. 53 об.], Антон Ельяшевич занимал должность советника в государственном ассигнационном банке в г. Одессе [5, л. 40]. Естественно, наиболее высокие показатели мобильности в границах всей Российской империи характерны для шляхтичей, избравших военную службу. В составе высшего сословия Могилевского уезда в 1816 г. их было 13 % (автором здесь также учтены военные в отставке). Например, родные братья Иван и Александр Ярошевские служили за тысячи верст друг от друга: Иван — прапорщиком Московского пехотного полка, Александр — корнетом Екатеринославского кирасирского полка [5, л. 54].

На службе у частных лиц и церковных организаций (католических орденов доминиканцев и иезуитов) в 1816 г. находилось 6 % шляхтичей. В первую очередь это «экономы» — шляхтичи, которые занимались управлением поместий. Встречаются также писарь, ловчий, гувернер [6, л. 52, 53]. Всего ведомости по Могилевскому уезду и г. Могилеву за 1816 г. содержат сведения о 916 шляхтичах обоего пола (включая детей) [6, л. 1—27, 33—37, 73—87]. По ряду параметров указанные ведомости можно дополнить списком дворян уезда, составленным в 1815 г. [5, л. 35—54], который включает 240 дворян, их жен и сыновей (девочки в списке не указаны). Таким образом, автор проанализировал списки шляхты Могилевского уезда за 1815—1816 гг. в составе 1156 человек. В списках указан состав семей, возраст родителей и детей, что делает их ценным источником для исследования распределения семейных форм в шляхетской среде.

Еще в 1960-х гг. британский исследователь Дж. Хайнал (John Hajnal) продемонстрировал перспективность сравнительного изучения структуры семьи в разных регионах мира. На фоне споров о том, какие факторы обеспечили конкурентоспособность Запада в сравнении с другими, гораздо более древними, цивилизациями он указал фактор, который поддавался количественному измерению: специфический способ брачного поведения, за которым стояла более глубокая разница в культурных и поведенческих стереотипах. Сравнив демографическую статистику разных европейских стран за период со второй половины XVIII до начала XX в., Хайнал показал, что эти страны распадаются на две большие группы, разделятельную линию между которыми он провел в направлении от Санкт-Петербурга до Триеста. Исследователь определил специфический для Запада способ организации домохозяйства,

которое базировалось на простой (нуклеарной) семье, состоящей из родителей и их детей [7]. П. Леслетт определил основные параметры, характерные для структуры семьи в Восточной Европе: высокая пропорция совместно живущих родственников (многопоколенных и много-семейных хозяйств); очень низкая пропорция одиночек; низкая пропорция простых и расширенных семей. Развивая идеи Хайнала, П. Леслетт и Ю. Хэммел предложили следующую классификацию семейных форм: 1) хозяйство, вемое одиноким человеком (single); 2) хозяйство, члены которого могли быть родственниками, но не образовывали брачных пар (no family); 3) хозяйство на основе одной брачной пары с детьми (simple family); 4) расширенное (extended) хозяйство, в котором помимо брачной пары присутствуют другие родственники (холостые или вдовы); 5) многосемейное (multiple family) хозяйство, в котором сосуществуют несколько брачных пар [8].

Придерживаясь данной классификации, автор рассмотрела распределение семейных форм в среде дворянства и шляхты Могилевского уезда в 1815—1816 гг. К отдельно проживающим можно отнести 11 % человек, ко второму типу хозяйств — 3, к третьему типу — 49, четвертому — 19 и к пятому — 18 % семей. Фактически названная пропорция определялась шляхтой, занимавшейся сельскохозяйственной деятельностью и составлявшей внутри сословия абсолютное большинство. Для сравнения: при чисто «западной» модели поведения порядка 70—85 % домохозяйств состояли из простых семей (simple family), а многосемейные дворы встречались не более чем в 5 % случаев.

Для шляхты, находящейся на частной службе (у помещиков, церковных организаций), характерны совсем иные показатели. К одиноко проживающим мужчинам в Могилевском уезде относятся 68 % шляхтичей, третий тип (simple family) представлен 32 %. Остальные типы семейных форм не прослеживаются. Добавим, для служебной шляхты характерен крайне высокий показатель по численности холостых (старше 25 лет) в составе группы — 74 % [6, л. 52, 53]. Очень высокий показатель наблюдается и в среде дворян 1815 г. — 46 % [5, л. 35—54]. Практически идентичен данный показатель и для группы дворян, избранных на разные должности по Могилевской губернии в 1832 г. — 48 % [4, л. 143—189]. Для сравнения: в среде шляхты, занимавшейся сельскохозяйственной деятельностью, количество холостых не превышало 3 % [6, л. 1—9, 33—37, 73—87].

От средних показателей по уезду значительно отличается и распределение семейных форм среди шляхты, проживавшей в г. Могилеве. К первому типу относятся 14 % человек, ко второму — 4, к третьему — 66, четвертому — 5 и к пятому типу — 11 % семей. Количество холостых шляхтичей составляло 13 %. Таким образом, в Могилеве было значительно больше, чем в сельской местности, одиноко проживающих и холостых шляхтичей, а также простых семейных пар, состоящих только из родителей и детей. Одновременно значительно ниже, чем в уезде, в городе был процент сложных многосемейных хозяйств, проживающих вместе.

Опираясь на вышеперечисленные показатели, можно сделать вывод о том, что распределение семейных форм среди высшего сословия Могилевского уезда имело существенные отличия в зависимости от места проживания и рода деятельности шляхтичей, демонстрируя высокие показатели одиноко проживающих людей и простых семей среди шляхты городской и служебной.

В завершение характеристики шляхты Могилевского уезда проанализируем, какие имена были наиболее распространены среди ее представителей в первой трети XIX в. Отметим, что для делопроизводства Российской империи характерно «обрусение» вариантов написания имени. Так, в материалах следственной комиссии, созданной в 1838 г. в Вильно по делу эмиссара Ш. Конарского, Ян Былевский и Ян Еленский превратились в Иванов [1]. Вместе с тем ведомости по Могилевскому уезду за 1815—1816 гг. составлялись на основании посемейных списков шляхты, что, на наш взгляд, позволяет опираться на их материалы. Наиболее распространенными мужскими именами были Иван, Игнат, Антон, Михаил, Осип (именно такая

форма имени Иосиф). Причем это имена — лидеры как среди дворян, так и шляхты Могилевского уезда. В выборе имен прослеживается определенная устойчивость во вкусах. Среди дворян Могилевской губернии в 1832 г. по-прежнему чаще всего представлены Иван, Антон, Осип, Игнатий. Интересно, что среди сыновей чиновников 1830-х гг. кроме прежних лидеров Ивана и Игнатия появляются новые фавориты — Александр и Николай. Возможно, это связано с именами правящих в первой половине XIX в. российских государей. Ведь кто-то из этих мальчиков родился во время правления Александра I, а кто-то — Николая I. В многообразии мужских имен шляхтичей уезда представлены имена и католического (Фортунат, Бенедикт, Казимир, Франц, Леон), и православного мира (Герасим, Василий, Алексей, Гаврила).

Сложнее анализировать женские имена, так как далеко не во всех случаях они указаны в списках. Ясно, что самыми распространенными были имена Мария, Анна, Катерина, Тересия. Встречались имена как Генриетта, Паулина, Клементина, Петрунеля, Теодора, Иоганна, Теофилия, Эмилия, Бригида, Цецилия, так и Авдотья, Прасковья, Устинья, Ульяна, Ефросинья, Настасья, Дарья и Татьяна. Причем стихии западная и восточная, католическая и православная существуют не параллельно, а совместно, тесно связанные мириадами прочных нитей. В семье Карла Балановича нашел приют его двоюродный брат Василий Кондратьев [6, л. 2]. Законный брак объединил Зыгмунта и Агафью Губаревичей [6, л. 73], Сымона и Сигклицу Печор [6, л. 78], Лаврентия и Домицелю Лавейко [6, л. 81], Адама и Устинью Савицких, Матвея и Богумилу Любецких, Николая и Праниду Цымбаревичей [6, л. 1—4]. И в этом многообразии имен и культурных влияний мы видим отражение многоконфессионального и социально-разнородного, но вместе с тем весьма цельного мира белорусской шляхты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе. Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 2 — Следственные протоколы по делам Яна Билевского, Адама Гайковича, Яна Еленского, Станислава Козакевича, Эммануэля Любовицкого, А. Пипера, Казимира Рапчинского, Яна Высоцкого. Дело Ф. Александрович (урожд. Коперницкой). Переписка о разных лицах, состоящих под следствием. 454 л.
2. *Луговцова С. Л.* Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999. 134 с.
3. *Майков П.* Римский-Корсаков И. Н. // Русский биографический словарь : в 25 т. Изд. Императ. рус. ист. об-ва. СПб., 1913. Т. 16 : Рейтерн — Рольберг. С. 221—222.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее — НИАБ). Ф. 1297 (Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского). Оп. 1. Д. 6198 — Дело о дворянских выборах по Могилевской губернии на трехлетие с 1832 г. 282 л.
5. НИАБ. Ф. 2066 (Могилевское губернское дворянское депутатское собрание). Оп. 1. Д. 13 — Список дворянских и шляхетских фамилий Могилевского уезда. 241 л.
6. НИАБ. Ф. 2066. Оп. 1. Д. 14 — Прошения о причислении к дворянскому сословию. 469 л.
7. *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М., 1979. С. 14—70.
8. *Hammel E., Laslett P.* Comparing household structures over time and between cultures // *Comparative Studies in Society and History*. 1974. № 16. P. 73—109.

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2014 г.